

ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА

18+

Юрий Пудаковский

Юрий Пудаковский
Зеленая планета

«Автор»

2026

Пудаковский Ю.

Зеленая планета / Ю. Пудаковский — «Автор», 2026

«Зелёная планета» — фасад безупречного будущего. Тоталитарный Комитет гарантирует сытость и безопасность, а над элитным столичным парком царит вечное искусственное лето. Молодой хирург Иван искренне верил в эту глянцевую жизнь. До тех пор, пока его не перевели на Периметр. Иван ловит систему на первой лжи. Его идеальный мир начинает трещать по швам. Но готов ли он узнать, что скрывает Периметр, и какую цену придётся заплатить за правду?

© Пудаковский Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юрий Пудаковский

Зеленая планета

Глава 1

ПРОЛОГ

ДЕНЬ РЕФОРМЫ

Демидов

В этот четверг в 12:00 по московскому времени привычный мир перестал существовать. Все телефоны, радиостанции и мессенджеры одновременно взорвались сообщениями. С экранов дикторы с пустыми глазами монотонно читали один и тот же текст: лидеры всех держав официально отказываются от суверенитета. Объявляется тотальное разоружение, границы стираются, а человечество отныне подчиняется новому мировому правительству. Это был мгновенный, сокрушительный крах всех мировых валют.

На улицах в ту же секунду закипел хаос. Демидов наблюдал за этим безумием из широкого арочного окна своего кабинета. Роскошный офис располагался в старом здании в самом центре Москвы. В комнатах с пятиметровыми потолками оглушительный шум офисных shredders резонировал, превращаясь в сплошной давящий гул. Эта аппаратура работала на пределе, пожирая бумагу словно стая голодной саранчи. На заднем дворе в спешке жгли секретные документы. Сотрудники паниковали: кто-то судорожно хватал личные вещи и бежал прочь, а кто-то преданно уничтожал остатки документации.

Мир, который Демидов бережно и цинично строил десятилетиями, превращался в пепел. Его мозг, скованный первобытным страхом, сузился до одной мысли: «Куда теперь забросит Родина? И где она сейчас? Что вообще значит это слово — Родина?»

Демидов медленно отошел от окна и опустился в глубокое кресло спиной к стене. Кабинет дышал монументальной роскошью. Стены покрывала матовая венецианская штукатурка благородного оливкового цвета. Посреди пространства царил огромный овальный стол из мореного дуба, образуя жесткую Т-образную конструкцию. На рабочем месте — строгая атрибутика: тяжелый письменный прибор из зеленого малахита и массивная хрустальная пепельница с едва дымящейся сигаретой. При этом три телефона правительственной спецсвязи впервые за долгие годы глухо молчали.

В ту же секунду дверь открылась. Тяжелые парадные створки с позолоченными петлями и ручками из слоновой кости вдруг натужно заскрипели — как старый сундук. Странно, но Демидов никогда не замечал этого звука раньше. А сейчас этот пронзительный скрип прошел его насквозь, будто важнее него ничего в мире больше не существовало.

В кабинет вошел человек небольшого роста. Пожилой мужчина, немного хмурый, но удивительно спокойный, будто вокруг ничего не происходило. Он уверенно двинулся вперед, чеканя шаг по отполированному мрамору пола. Подойдя почти вплотную к массивному дубовому столу, он мельком глянул Демидову за плечо, с легкой иронией подмигнул висящему на стене портрету в тяжелой багетной раме и сразу перевел взгляд на хозяина кабинета. В каждом его движении угадывалась жесткая армейская выправка, а из-под кустистых бровей резанул колкий, оценивающий взгляд.

Демидов опешил. — Да ладно... Сам?... Не может быть, сам... — прошептал он, чувствуя, как в горле нарастает тяжелый ком. Лицо его мгновенно изменилось. Он хотел было вскочить, но вошедший легким, но властным жестом махнул ладонью: — Сидите, сидите, Андрей Владимирович.

Голос гостя был спокойным и уверенным: — Итак, Андрей Владимирович, ситуация следующая. Я доверяю именно вам донести до всех остальных: у вас есть ровно тридцать один день для легализации всех активов и перехода на новую мировую валюту. Чьи доходы не будут легализованы, либо их происхождение не будет доказано — всё переходит в распоряжение Мирового экономического комитета. И еще. Вы можете остаться на госслужбе и дальше приносить пользу, либо уйти в бизнес, что тоже немаловажно. Но совместить это, увы, не получится.

Человек повернулся и вышел.

В кабинете повисла звенящая тишина. «Что за странный звон?» — подумал Демидов, но тут же отмахнулся. Неважно. На часах было 16:37. За окнами все так же выли сирены. День догорал. Догорал медленно, как и весь старый мир.

Демидов долго смотрел в окно. На секунду ему показалось, что к нему никто и не заходил. Он криво улыбнулся, глядя на беспрерывно вибрирующий, жужжащий на краю стола пульт внутренней связи. Там, на другом конце провода, кто-то из заместителей буквально бился в конвульсиях от происходящего кошмара. Но Демидов был спокоен. Выбор сделан. Инструкции получены.

«Ну что же, наступило утро. Доброе утро, страна», — промелькнуло в его голове. Он протянул руку, уверенно нажал кнопку селектора и свойственным ему басом скомандовал: — Отставить панику. Через пять минут экстренное совещание в большом зале. Начинаем жить по-новому.

Мария Александровна

Мария Александровна была статной, грузной женщиной пятидесяти лет. Седые густые волосы свисали ниже плеч. На шее был повязан плотный шерстяной платок размером с плед, затянутый словно петля. Казалось, выбей кто-то из-под нее этот старый обшарпанный стул, на котором она просидела тридцать лет, и удавка окончательно затянется.

В кабинете царили духота и тяжелая, многолетняя тишина. Воздух пропитался запахом старой бумаги, дешевой хлорки и засохшего мела. Рабочий день шел к концу. Для человека советской закалки было важно довести дело до конца, поэтому она методично проверяла тетради девятого класса, оставляя жирные, безжалостные росчерки красной пастой.

Тишину прервал писклявый голос секретаря: — Мария Александровна, там... — Что там? — перебила она и зыркнула поверх очков.

От её тяжелого взгляда плечи молодой девчонки — худой, в нелепой, слишком большой кофте и с растрепанным пучком на затылке — испуганно сжались, будто в ожидании удара плети. — Дадите мне до пенсии дожить или нет? — отрезала Мария Александровна, нервно поправляя свою удавку. — Директор назначил срочное совещание. В сорок третьем кабинете, — вполголоса пролепетала секретарь, попятилась к выходу и быстро прикрыла за собой дверь.

В сорок третьем кабинете стояла тяжелая тишина. Все чего-то ждали. В дверях появилась гостья — невысокая, с длинными светлыми волосами, в белоснежной блузке и темной юбке ниже колена. Она легко взошла на трибуну и ослепила аудиторию искренней улыбкой. От нее веяло чем-то новым, невероятно свежим — как ранним утром в густом летнем лесу. Контраст со старым душным классом и уставшими преподавателями был настолько сильным, что хотелось полной грудью вдыхать эту свежесть. Чистый, звонкий голос разрезал тишину:

— Итак, дорогие коллеги, у меня новость. С сегодняшнего дня мы переходим на новую систему образования. Школьная программа теперь длится до двадцати одного года. Наша главная задача — дети, — продолжила гостья. — Таланты и скрытые предрасположенности мы выявляем в раннем возрасте, строго с третьего класса, и развиваем их.

По кабинету пронесся гул негодования. Лишь одна Мария Александровна молча смотрела на девушку уставшими глазами, думая о том, что пенсия уже не за горами.

Гостья резко хлопнула в ладоши. Этот звук прозвучал как звонкий выстрел и будто парализовал все живое вокруг. — Прошу тишины, я не закончила, — оборвала она гул грубым, уверенным голосом.

В аудитории наступила гробовая тишина. Стало так тихо, что, казалось, было слышно биение сердца соседа. Только на улице пищал светофор, невыносимо давя на нервы: пик... пик... пик...

— Итак, я продолжу, — девушка снова расплылась в улыбке, и её голос заиграл прежним звонким тоном. — В следующем году вам предстоит пройти переаттестацию. И так будет каждый год. При успешном прохождении вы получаете право преподавать дальше. Со следующего месяца оплата труда поднимается до девятисот МИР, что в эквиваленте равняется девяти тысячам долларов.

На задней парте кто-то судорожно вздохнул и выронил ручку. Та с сухим стуком покатилась по полу, но гостья даже не повернула головы.

— Педагоги, не имеющие жилья, получают социальные квартиры. Лучшие показатели групп будут премироваться. Далее. Преподаватели, которые по старым законам имеют право выхода на пенсию, могут подать прошение в комитет. Им выделяется пенсия по выслуге лет. Также им положено два раза в год оздоравливаться за счет комитета. У меня всё.

Весь состав застыл, не веря ушам.

«Доброе утро», — вдруг отчетливо послышалось эхом в голове Марии Александровны.

Внутри нее моментально проснулся азарт истинного педагога, а минутная слабость тела. Она смахнула платок со шеи, как боевое знамя врага, швырнула его на стул и тяжело ударила ладонью по столу: — За работу, бездельники! — громовым, но спокойным голосом скомандовала она опешившим коллегам.

Кто-то уходил с улыбкой, кто-то — в полном недоумении, но каждый понимал: прежний мир разрушен, а впереди их ждет новое будущее.

Генерал Широкий

— Товарищ генерал, разрешите доложить!

Не дождавшись одобрения, худой как спица адъютант торопливо затараторил: — Все высшее руководство собирается в Белом доме. Приказ Первого! От каждой страны будет представитель.

Генерал Широкий на секунду замер. Его огромный мозолистый кулак, до этого тяжело лежавший на столе пудовой гирей, медленно сжался. Он поднял глаза. На адъютанта посмотрело обветренное, матерое лицо, покрытое мелкой сеткой шрамов — память, которую генералу оставил разорвавшийся в клочья автобус в Сирии. Тяжелый подбородок покрывала легкая седая щетина.

— Смирно! — прохрипел он сквозь зубы. — Ты что несешь? Браги перепил? — То... то... товарищ генерал... — стал заикаться адъютант. В этот момент пацан готов был провалиться сквозь землю, лишь бы не находиться в этом кабинете. — Вольно. Не ссать, — ухмыльнулся Широкий, и его лицо мгновенно подобрело.

«Причем тут этот шкет?» — подумал генерал, глядя на трясущегося парня. Надо идти. Раз сам Первый приглашает — надо быть.

Большой зал совещаний Белого дома был переполнен. Здесь собрались все: шейхи, британцы, европейские делегации. Атмосфера напоминала базар в день получки: политики обнимались, шутили, пытались продемонстрировать прежнюю уверенность и вальяжность. Лишь сербы сидели с суровыми, каменными лицами. Поляки и украинцы расположились в самом дальнем углу, постоянно озираясь и испуганно перешептываясь.

Но в следующую секунду этот гул оборвался на полуслове. В зал вошел Человек в шляпе, и вся международная элита мгновенно растеряла свой лоск. Широкий ухмыльнулся, наблюдая, как по рядам высокопоставленных чиновников покати́лась волна парализующего страха.

Британский лорд-канцлер разом пожелтел и судорожно вцепился в края папок. Французы затихли, растеряв весь свой задор, немцы вытянулись по стойке «смирно» так усердно, что на костюмах едва не трещали швы. Хваленый американский госсекретарь, минуту назад общавшийся с прессой, теперь испуганно шмыгал носом, заискивающе заглядывая гостю в рот. Шейхи растерянно роняли четки, а делегации в углу замерли, стараясь не дышать.

Русские сидели монолитно, как гранитные глыбы. Ни один мускул не дрогнул на лицах силовиков и дипломатов. Сербь, сидевшие рядом, тоже держали марку — ни тени паники. Они просто оценивали нового врага, просчитывая ходы.

Вдруг взгляд незнакомца остановился на самом Широком.

Это был худой, высокий мужчина с аристократическим лицом и резко очерченными скулами. На его тонких губах застыла едва заметная, ироничная улыбка, в которой читалось абсолютное превосходство. Но самым страшным был прищур его угольно-черных глаз, которые смотрели сквозь людей, излучая зловещую, мертвую мудрость.

Этот взгляд пробрал генерала до костей. Широкому показалось, что незнакомец залез к нему в череп и медленно перебирает обнаженные нервы, словно струны на старой гитаре. Боевой волчара впервые в жизни почувствовал себя абсолютно беспомощным перед чужой силой.

Человек в шляпе слегка наклонил голову. Его бархатный, спокойный голос эхом разнесся по залу, хотя он даже не приближался к микрофону: — Итак, господа. Армии в привычном ее виде больше нет. Отныне есть МИР-полис. Кто хочет — может уйти прямо сейчас либо продолжить службу на благо общества в нашем комитете. У меня впереди еще много работы.

Человек в шляпе развернулся и покинул трибуну так же внезапно, как и появился. За его спиной на огромных экранах Белого дома поползли бесконечные графики, списки новых законов, декреты о роспуске министерств обороны и схемы реорганизации баз. На трибуну вышли безликие секретари в серых костюмах, начавшие монотонно зачитывать пункты новой мировой конституции.

Но Широкий их уже не слышал. Он сидел, уставившись в одну точку. В его голове, заглушая голоса спикеров, набатом звенело только одно. Генерал на секунду зажмурился от странного ощущения: он отчетливо видел, что губы человека в шляпе двигались, но тот говорил на совершенно чужом, непонятном языке. При этом в своей голове Широкий слышал безупречную русскую речь. Это казалось невозможным.

«Ну что же... Доброе утро», — проскользнуло в голове Широкого

ГЛАВА 1. ДОБРОЕ УТРО

— Ваня, просыпайся. Ваня, просыпайся, родной. — Доброе утро, мама, — лениво пробормотал Ваня, неохотно сползая с кровати.

Он подошел к окну и зажмурился от яркого солнца. За стеклом раскинулся, город Единого Мира. Улицы утопали в зелени, а воздух был таким свежим и можно сказать вкусным, словно они жили посреди векового заповедного леса. По ровному, вымытому асфальту бесшумно катили белоснежные электробусы. Город дышал тишиной, покоем и безупречным порядком.

На обочине, подметая чистый тротуар, хмуро двигалась группа провинившихся старшеклассников в ярко-оранжевых робах штрафников. Над ними молча стоял куратор в строгой форме Комитета. Система возвела чистоту в абсолютный закон, и те, кто нарушал правила, искупали вину самым грязным и трудом, пока остальной город еще спал.

Мама у Вани была очень красивая и весёлая. Она работала инструктором по плаванию при Комитете образования. Хрупкая, но в то же время хлёсткая, упорная. Рыжие кучерявые волосы, глубокие глаза и тонкий, аккуратный нос.

С отцом они познакомились на ежегодных межведомственных соревнованиях. За победу там был положен какой-то приз, но по Ваниному детскому разумению этот приз в принципе никому не был нужен. Зачем, если у всех и так всё было? Каждый мог спокойно отправиться в любую точку планеты — всё общество жило в абсолютном достатке, где любые базовые потребности Системой закрывались по умолчанию. Но состязания все равно оставались желанными. В них бились ради чистого духа соперничества, ведь на дорожках и стадионах сходились только лучшие из лучших.

Отец служил в МИРполис — старшим оперативником по связи с отшельниками. Так здесь называли тех, кто отказался принимать устав нового мира и был выброшен за Периметр. Отец вообще говорил мало. Высокий, статный, с жестким взглядом и холодным, волевым лицом — от него всегда веяло тяжелым авторитетом власти. О своей работе он никогда не распространялся, но Ваня знал главное: именно отец спас остатки их семьи от ссылки.

Дедушка Вани погиб в 2026 году на «Войне с пороками». Он был коррупционер и остался там, в прошлой темной эпохе. Что такое коррупционер Ване никто никогда не объяснял — это было запретное слово, за которое в Едином Мире можно было запросто лишиться жизни. Тогда, из-за дедушкиного прошлого, под удар попали все родственники. Всю семью хотели отправить за Периметр, но отца за заслуги в спорте и учёбе защитил Совет школы. Буквально выгрыз у Системы.

Совет школы состоял примерно из двухсот человек — это были лучшие ученики, старосты профильных классов, наделённые полномочиями закрытого суда. Они имели право судить и защищать только своих. В тот день эта юная, но уже зубастая каста проголосовала единогласно. И отца они отстояли.

Дорога в школу вела через парк — вечнозелёный, цветущий сад, укрытый от непогоды огромным стеклянным куполом. Ваня любил это место с детства: фонтаны, детские площадки, круглогодичное лето над головой. Ноги сами несли вперед, едва касаясь дорожки, пока сквозь прозрачную крышу пробивалось утреннее солнце. В мыслях уже рисовался день, когда он надеет белый халат, уверенно возьмет скальпель и спасет чью-то жизнь, став настоящим великим хирургом.

Зависнув в этих мечтах, Ваня окончательно перестал смотреть под ноги.

Сильный удар наотмашь оборвал полет мысли. Из легких мгновенно вышибло весь воздух, а мир вокруг сошел с ума. Деревья, небо, стеклянный купол над головой — всё закружилось в бешеном калейдоскопе. Тело кубарем покатилося по мягкой траве газона, локоть прошила резкая боль, а в ушах на секунду зазвенело.

Кое-как мотнув головой, Ваня судорожно вдохнул прохладный воздух и замер.

Прямо перед ним на траве сидела девчонка — его сверстница. Светлые, легкие волосы растрепались по плечам, а большие голубые глаза блестели на солнце, как лучистые звезды. Новенький сине-зеленый комбинезон выдавал в ней ученицу сельскохозяйственного потока — на петлице куртки как раз поблескивал золотой росток. Сейчас девчонка сердито морщила нос, обеими руками вцепившись в ушибленную ногу.

— Ты что, убить меня хочешь, гонщик?! — выпалила она, с трудом переводя дыхание. — Совсем не смотришь, куда летишь? Тут вообще-то люди ходят, а ты...

От ее крика Ваня аж растерялся, а в груди от неожиданности бешено заколотилось сердце. Ему стало ужасно неловко. Он быстро вскочил на ноги, сбил ладонями налипшую траву и виновато сделал шаг к ней: — Извини, пожалуйста... Я правда нечаянно. Замечтался. Меня Ваня зовут. — Яна, — буркнула она, всё еще обиженно глядя снизу вверх.

Взгляд Вани скользнул ниже, и внутри всё похолодело. На аккуратном комбинезоне, прямо сквозь плотную синюю ткань на колене, медленно расплывалось круглое красное пятнышко.

— Извини, мне так неловко... — Ваня присел рядом на корточки и протянул руку. — Давай помогу дойти до медблока? У тебя же колено разбито, нужно обработать. — Сама дойду, не маленькая уже, — буркнула Яна.

Она уперлась ладонями в траву и попыталась встать. Сначала слегка поморщилась от боли, но, взглянув на испуганное лицо Вани, не выдержала и мягко, совсем по-доброму улыбнулась. Обида испарилась. Девочка протянула ему руку, и Ваня помог ей подняться. Нога у нее еще немного подкашивалась, поэтому Яне пришлось опереться на его плечо. Ваня бережно собрал её вещи, разлетевшиеся по мягкому покрытию дорожки: толстый блокнот для зарисовок, цветные карандаши и прозрачный контейнер с какими-то семенами.

Ваня протянул ей блокнот. В этот момент где-то совсем рядом, прямо над головой, раздался монотонный, едва уловимый электронный писк. Этот звук сопровождал Ваню сколько он себя помнил: то затихал, превращаясь в далекое эхо, то становился отчетливее. Отец всегда говорил, что так пищат датчики климат-контроля под куполом парка, а мама утверждала, будто это поют новые, выведенные в лабораториях птицы, которых специально выпустили в сад местные школьники. Все давно привыкли к этому фоновому шуму и почти его не замечали.

Но Яна вдруг замерла. Она повернула голову на бок, прислушиваясь: — Ваня, слышишь? Что это такое пищит? На птицу вообще не похоже...

Ваня глянул на свое запястье, где красовались тяжелые электронные часы в противоударном корпусе — подарок на день рождения от отца Димки. Тот был настоящей легендой, их соседом и лучшим другом Ваниного отца. Он представлял элиту МИРового спецназа и Комитета Новой Силы. Часы, которые он подарил, кажется, умели всё: мерили пульс, держали связь, внутри были даже компас и манометр. Сам Димка всегда заявлял, что, когда вырастет, станет как отец и будет наводить порядок за Периметром. В свои десять лет он был настоящим боевым парнем — заметно выше и крепче сверстников, с коротким светлым ежиком волос и кулаками, вечно покрытыми царапинами.

Ваня бросил взгляд на светящийся циферблат часов и охнул: — Блин, точно! Нам десять минут осталось до звонка!

Бежать Яна не могла — только хромала, упрямо шипя сквозь зубы от боли при каждом шаге. Кое-как они доковыляли до дверей, где Яну перехватили дежурные её потока, а Ваня со всех ног помчался на задний двор, отчаянно надеясь успеть до начала.

И вот Ваня уже вместе со всеми на линейке. Из скрытых динамиков играла музыка — «Музыка на воде» Генделя, легкая, но в то же время величественная классика. Под торжественные звуки дети выстроились в шеренги: будущие врачи, инженеры, повара. У каждого была своя форма. Солнечные лучи мягко заливали весь задний двор, отражаясь от огромных стеклянных окон школы. Само здание было гигантским, белоснежным и блестело на солнце так ярко, что на него больно было смотреть. Оно совсем не походило на унылые серые коробки из старых учебников — эта школа казалась космической станцией, которая идеально вписалась прямо посреди цветущего парка. В воздухе стояла удивительная свежесть, будто гроза только что закончилась.

Шеренга будущих врачей замерла в небесно-голубой форме. Ваня то и дело косился на свой левый рукав, проверяя шеврон с медицинской чашей, и от гордости сердце было готово выпрыгнуть из груди. Рядом плечом к плечу замерли другие потоки. Инженеры в строгих серых костюмах о чем-то шептались. Юристы в угольно-черных комбинезонах стояли намертво. Повара в белоснежных халатах забавно выделялись на фоне остальных.

У силовиков форма была самая крутая — глубокого темно-синего цвета, с эмблемами щитов на воротнике и черными вставками на локтях и коленях. Ваня стал всматриваться в их

шеренгу и сразу заметил Димку. Стоило ему поймать взгляд друга, как Димка, несмотря на всю строгость строя, тут же быстро подмигнул ему, едва сдерживая широкую улыбку.

Ваня перевёл взгляд на соседний поток, пытаясь найти Яну среди десятков девчонок в сине-зеленых комбинезонах. И вскоре отыскал. Она стояла в первом ряду и заметно опиралась на здоровую ногу — бедное колено всё еще ныло. Ваня снова почувствовал, как к горлу подступает удушливая волна вины. Но тут Яна поймала его взгляд. Она не обижалась, а смотрела прямо на него и улыбнулась так тепло и искренне, что внутренний страх окончательно отступил.

В этот момент музыка из динамиков стала тише. К микрофону подошла директор, наклонилась и с улыбкой произнесла: — Доброе утро. Началась новая жизнь.....

ГЛАВА 2. БЕЛЫЙ ШУМ И ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

Звук мертвой цифровой волной резал стерильную тишину ординаторской. На стене, тускло мерца матовым пластиком, настойчиво защелкал интерком общего оповещения: — Иван Андреевич, срочно в третью операционную. У нас сложный пациент.

Иван поднялся, на ходу одергивая безупречно белый хирургический халат.

В центральные госпитали Москвы иногда привозили детей из-за Периметра. Там, на темных территориях, несла свою тихую вахту наша медицинская миссия. Осколки старого мира, признанные паразитами системы, могли сколько угодно ненавидеть Новый Порядок и проклинать его на своих грязных развалинах. Но когда дело касалось жизни их детей, гордость ломалась. Сломленные родители сами шли на посты миссии. Они хотели, чтобы их дети оказались в чистом, сытом обществе.

Иван знал и о других крайностях — о тех немногих гражданах «Зеленой планеты», кто добровольно уезжал за Периметр. Одни бежали в бесплодных поисках потерянного «я», другие — за первобытным адреналином и грязными ощущениями. Человеку всегда мало. Даже когда вокруг выстроена идеальная, справедливая жизнь, его мятежную душу всё равно тянет в хаос.

Двери операционного блока бесшумно разошлись в стороны, обдав Ивана прохладным запахом озона. — Визор, пожалуйста, — негромко, но твердо скомандовал он, переступая черту стерильной зоны.

Над операционным столом глухо загудел потолочный модуль. Массивное крыло из титана бесшумно скользнуло по магнитным рельсам, центрируясь над телом.

На хирургическом столе, резко контрастируя со сверкающим хромом оборудования, лежало хрупкое тело тринадцатилетнего мальчишки. Грязное лохмотье, пропахшие копотью и сырой землей, превращали подростка в дикаря, заброшенного в будущее из темного, допотопного века.

Излучатели Визора активировались. Из матового титанового крыла прямо на бледную, покрытую ссадинами грудь мальчика опустился плотный изумрудно-зеленый луч. Поток поляризованных частиц за доли секунды прошил тело насквозь, считывая плотность костей и скорость кровотока. Изумрудная стена света скользнула от макушки до пальцев ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.